

2. Ваард Я. де На новых языках заговорят (Функциональная эквивалентность в библейских переводах) / Ян де Ваард, Юджин А. Найда; пер. с а. под ред. А. А. Алексеева. – СПб.: Российское Библейное Об-во, 1998. – 272 с.
3. Василенко О. В. Ад’ективне вираження міжособистісних емоцій в англійській мові / О. В. Василенко, Н. П. Яцишин // Науковий вісник Волинського нац. ун-ту ім. Лесі Українки. – 2011. – № 6. – С. 230–235. – (Серія: “Філологічні науки. Мовознавство”).
4. Велівченко В. Імплікація емоцій мовця в англomовному емотивному дискурсі / Віктор Велівченко // Науковий вісник Херсонського держ. ун-ту. – 2010. – Вип. 12. – С. 297–301. – (Серія: “Лінгвістика”).
5. Демецька В. Теорія адаптації: крос-культурні та перекладознавчі проблеми: монографія / Владислава Демецька. – Херсон: МЧП “Норд”, 2007. – 346 с.
6. Димитренко Л. Засоби об’єктивації концепту “FEAR” (“СТРАХ”) та шляхи його вивчення / Лариса Димитренко // Науковий вісник Херсонського держ. ун-ту. – 2010. – Вип. 11. – С. 194–197. – (Серія: “Лінгвістика”).
7. Киселюк Н. П. Способи номінації поняття “радість” у площині емотіології (на матеріалі англomовного художнього дискурсу) / Н. П. Киселюк // Науковий вісник Волинського нац. ун-ту ім. Лесі Українки. – 2011. – № 3, Ч. 2. – С. 137–140. – (Серія: “Філологічні науки. Мовознавство”).
8. Мирошниченко В. В. Авторська концепція художнього твору: онтогенез і експансія (на матеріалі англomовної та французької українки): монографія / Мирошниченко В. В. – Запоріжжя: ЗДУ, 2003. – 283 с.
9. Сорока В. І. Методичні вказівки до вивчення Біблії у курсі “Історія української літератури Х–XVIII ст.”: [для студ. спец. “Українська мова і література”; “Українська мова і література, англійська мова і література”; “Українська мова і література, історія”] / Сорока В. І. – Херсон: Айлант, 2001. – 48 с.
10. Философский энциклопедический словарь / [ред.-сост. Губский Е. Ф., Кораблёва Г. В., Лутченко В. А.]. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 576 с.
11. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / Friedrich Kluge. – [23-e, erw. Aufl.]. – Berlin, N. Y.: W. de Gruyter, 1999. – 921, [3] S.
12. Köbler G. Althochdeutsches Wörterbuch [Електронний ресурс] / Gerhard Köbler. – [4-e Aufl.]. – 1993. – Режим доступу до словника: <http://koblergerhard.de/ahdwbhin.html>.
13. Köbler G. Häufigkeitwörterbuch des Althochdeutschen [Електронний ресурс] / Gerhard Köbler. – 2006. – Режим доступу до словника: <http://koeblergerhard.de/ahdwbhin.html>.
14. Paul H. Deutsches Wörterbuch / Hermann Paul. – [9-e, vollst. neu bearb. Aufl.]. – Tübingen: M. Niemeyer Verl., 1992. – 1130, [2] S.
15. Schade O. Althochdeutsches Wörterbuch / Oskar Schade. – [2-e umgearb. u. vermehrte Aufl.]. – Halle: Buchhandlung des Waisenhauses, 1872–1882. – 1446 S.
16. Schützeichel R. Althochdeutsches Wörterbuch / Rudolf Schützeichel. – [2-e, durchgelesene u. erg. Aufl.]. – Tübingen: M. Niemeyer Verl., 1974. – 250 S.
17. Tatian Evangelienharmonie [Електронний ресурс] / Tatian. – Режим доступу до кн.: <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/germ/ahd/tat>.

УДК 811.11:81’42

Дмитрий Соколов
(Горловка)

К ВОПРОСУ ОБ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ТЕРМИНОВ “SCHLAGWORT” И “КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО ТЕКУЩЕГО МОМЕНТА”

У статті аналізується змістове наповнення термінів “Schlagwort” і “ключове слово поточного моменту” та розглядається питання про їх еквівалентність.

Ключові слова: Schlagwort, ключове слово поточного моменту, мова політики, політичний вокабуляр.

The article analyzes the meaning of the terms “Schlagwort” and “key word of the present moment” and reviews the problem of their equivalence.

Key words: *Schlagwort, key word of the present moment, language of politics, political vocabulary.*

В текстах политических выступлений особое место занимают лексические единицы, семантика которых значительно больше нагружена в идеологическом, оценочном и деонтическом плане, чем семантика других лексем политического вокабуляра.

Эти слова отличаются (1) высокой частотностью употребления, они (2) “становятся объектом активной и массовой языковой рефлексии”, (3) получают различные дефиниции. Претерпевают изменения и их (4) лексические параметры, например, возможности метафорического употребления, а также синонимические и антонимические отношения. Кроме того, особый статус этих слов “вызывает активизацию <...> грамматических возможностей (самых консервативных), в частности, <...> деривационного потенциала, т.е. появление новых производных, расширение их сферы употребления и семантики” [3, с. 63].

Т. В. Шмелева обозначает данную категорию политически релевантной лексики как “ключевые слова текущего момента” (КСТМ), предложив этот термин в одноименной статье в 1993 году. В то же время в зарубежной (прежде всего, в немецкой) политической лингвистике с конца шестидесятых – начала семидесятых годов XX века активно используется термин “Schlagwort”, один из словарных вариантов перевода которого, “ключевое слово”, созвучен термину КСТМ. В этом отношении интерес представляет вопрос о соответствии этих двух терминов, а также об особенностях их понимания российскими, украинскими и немецкими исследователями. Данная проблема является *актуальной* для развития диалога между отечественной и германской политической лингвистикой. *Объектом* обсуждения в настоящей статье выступает язык политики как особая знаковая система, функционирующая в политическом дискурсе, а *предметом* – лексико-фразеологический уровень языка политики. *Целью* обсуждения является установление тождественности терминов “Schlagwort” и “ключевое слово текущего момента”.

Среди работ украинских исследователей, посвященных проблеме ключевых слов текущего момента, следует упомянуть диссертацию Т. В. Весны “Ідеологічний та національно-культурний компоненти в семантичній структурі лексики політичного дискурсу” [2].

Т. В. Весна развивает концепцию Т. В. Шмелевой и предлагает использовать термин “ключевые слова текущего момента” для обозначения наиболее релевантных единиц политического вокабуляра, характеризующих тот или иной исторический период. Ключевые слова текущего момента – это категория лингвистического, культурно-исторического и идеологического плана. КСТМ представляют (1) “идеологически значимые реалии общественного развития своего времени” (*здесь и далее перевод мой – Д.С.*), они обладают (2) двойным статусом “и выступают одновременно как фрагмент языковой действительности и как явление культурно-историческое и идеологическое”, (3) эти слова находятся под постоянным влиянием экстралингвистических факторов, способствующих генерированию новых КСТМ и переходу “обычной лексики в разряд ключевой для определенной эпохи” [2, с. 36–46].

В политической речи ключевые слова текущего момента выполняют образно-экспрессивную, оценочно-характеризирующую, социально-информативную и национально-информативную функции, обусловленные взаимодействием в их семантике идеологического и национально-культурного компонентов [2]. Следовательно, КСТМ политического дискурса конкретной страны остаются релевантными и сохраняют все перечисленные характеристики только в пределах данного дискурса, в то время как в политических дискурсах других стран актуализируются другие ключевые слова текущего момента. Так, для политического дискурса России первой половины девяностых годов актуальными являются следующие КСТМ: *реформа, рынок, номенклатура, суверенитет, приватизация, предприниматель,*

ГКЧП, СНГ, либерализация, аренда, биржа, бартер, плюрализм, департизация. В тот же период времени в политическом дискурсе Германии преобладают другие КСТМ: *Wiedervereinigung, Mauerfall, Wahrungsunion, Wende, der Grune Punkt, der Vertrag von Maastricht* и т.д.

Перечисленные свойства данной категории дополняются еще одной особой чертой, также типичной и для идеологически нагруженной лексики в целом: сакрализация/десакрализация. Это “наличие у отдельных позитивно окрашенных ключевых слов десакрализованного варианта, который имеет противоположную оценочную маркированность” [2, с. 34].

В опубликованной в 2009 году статье Т. В. Шмелева говорит еще об одном признаке КСТМ – текстогенности как о способности данной категории лексем “порождать вокруг себя массу текстов. Понятно, что тексты эти порождаются людьми, но ключевое слово как бы издает импульсы, можно даже сказать, императив к созданию таких текстов” [3, с. 65]. Это, возможно, объясняется тем фактом, что некоторые “языковые единицы являются своего рода символами типовых коммуникативных ситуаций, в которых они постоянно употребляются” [1, с. 155]. Вследствие этого не только ситуация (коммуникативная и политическая, т.е. языковые и внеязыковые факторы) определяет подбор лексического материала, но и лексический материал может конституировать ситуацию.

Использование термина “Schlagwort” и обозначаемого им направления в германистике “Schlagwort-Forschung” до недавнего времени оставалось преимущественно прерогативой немецкого языкознания. Поэтому не вызывающий споров и замечаний перевод термина “Schlagwort” или подбор для него полностью эквивалентного русскоязычного термина представляется достаточно трудной задачей. “Die Schlagwort-Forschung ist bis heute eine deutsche Angelegenheit, in erster Linie naturlich der Germanisten, in zweiter auch der Politikwissenschaftler und Historiker” [7, с. 3].

Несмотря на это термин “ключевое слово текущего момента”, на наш взгляд, может рассматриваться в качестве эквивалента термина “Schlagwort”. Но чтобы установить степень их тождественности, необходимо выделить основные характеристики “Schlagwort” как особой лексической категории политического немецкоязычного дискурса.

Так, Бернд Штрус считает, что наиболее важной характеристикой “Schlagworter” является компактно представленная в их семантике отсылка к программам партий и прочим планам политических действий. “Als Schlagworter werden <...> all jene Worter und Wendungen <...> bezeichnet, in denen sich erinnerungs- und vergangenheitspolitische berzeugungen und Programme, sowie auf kollektive historische Sinnbildungsprozesse bezogene Einstellungen in komprimierter und prognanter Form sprachlich manifestieren” [10, с. 139]. Аналогичной точки зрения придерживается и Вальтер Дикманн, один из основоположников немецкой политолингвистики. Он также говорит о “конденсации” программ в этой категории лексических единиц политического вокабуляра, дополняя характеристику “Schlagworter” еще одним аспектом: “Sie [Schlagworter] erheben Relatives zu Absolutem, reduzieren das Komplizierte auf das Typische, berschaubare und Einfach-Gegensutzliche und bilden dadurch bipolare Wortschatzstrukturen aus” [6, с. 62].

Одно из наиболее полных и развернутых определений было предложено Дитером Фелбиком. Термином “Schlagwort” он обозначает особые лексические единицы со сложной семантикой, функционирующие в политическом дискурсе и обладающие рядом особенностей. **Во-первых**, “Schlagwort” может выступать в различных грамматических формах, например, как односоставная или многосоставная лексема, которая в свою очередь может являться частью словосочетания и порождать ряд производных. Так, “Schlagwort” может принимать грамматическую форму существительного (например, *Vertriebene*), атрибута/прилагательного (*vertrieben*), глагола (*vertreiben*), словосочетания (*Recht auf Heimat*) или сложного слова (*Heimatrecht*) [4, с. 35]. **Во-вторых**, характерной особенностью “Schlagworter” является высокая частотность употребления этих лексических единиц в политических текстах. **В-третьих**, “Schlagworter” являются компактными символами

политических программ, идей или убеждений, им присущ ярко выраженный оценочный компонент значения, через который находит выражение субъективная оценка адресантом релевантных событий или явлений действительности. Это качество особенно ярко проявляется у тех лексем, которые используются противостоящими политическими силами, вследствие чего варианты их семантического наполнения существенно различаются в зависимости от адресанта. Такие языковые единицы “bekommen einen Sinn nur, indem sie eine Funktion in einer kommunikativen Handlung ausüben; ihre Bedeutungsfähigkeit ist genuin mit den Vorgang des Kommunizierens verknüpft” [5, с. 167]. Так, только в текстах речей Ангелы Меркель, опубликованных на официальном сайте www.bundestkanzlerin.de, лексема “*vernetzte Sicherheit*”, обозначающая ряд аспектов позиции Германии относительно военно-политического сотрудничества и обеспечения международной безопасности, встречается более 250 раз. **В-четвертых**, на основе “Schlagwörter” возможно генерирование обширных ассоциаций, границы которых определяются исключительно актуальной коммуникативной ситуацией и поставленными политическими целями. Правила их употребления действительны только для тех, кто разделяет идеологию данной политической силы. Этот аспект обуславливает практически неограниченную их сочетаемость с любыми релевантными для политика понятиями, синтаксические, лексические и ментальные связи с которыми позволяют модифицировать семантический комплекс исходного “Schlagwort”. Например, для обозначения одного и того же предмета/явления действительности различные политические силы используют подходящие для себя лексемы: *soziale Marktwirtschaft / Kapitalismus* (об экономическом строе ФРГ), *Sozialpartnerschaft / Klassenkampf* (об отношениях между собственниками средств производства и рабочими), *Deutsche Demokratische Republik, DDR / Ostzone, Sowjetzone, sowjetisch besetzte Zone, sogenannte “DDR”* (о государстве со столицей в Восточном Берлине), *Politik der Versöhnung / Verzichtspolitik* (о политике канцлера Брандта) и т.д. **В-пятых**, употребление данной категории лексем преследует цель обращения к реципиентам относительно той или иной важной темы с целью убеждения последних занять определенную позицию по актуальному вопросу. “Das Schlagwort wird in einem Diskurs über ein brisantes Thema appellativ zur Werbung für oder gegen eine Position gebraucht, wobei es eine affektive Stellungnahme beim Rezipienten auslöst” [7, с. 25]. Наконец, **в-шестых**, “Schlagwörter” являются, с одной стороны, своеобразным средством (само)идентификации политической группы и, с другой стороны, средством дискредитации позиций оппонентов. “Sie [Schlagwörter] sind sprachliche Erkennungszeichen der politischen Kontrahenten, sie sind verbal vorgesetzte Fassaden von Freund- und Feindbildern, an denen sich die politische Orientierung im “Zeitalter der Ideologien” oft allein noch ausrichten kann” [9, с. 28]. Политические группы не только подбирают для себя “Schlagwörter”, уже функционирующие в системе политического дискурса, но и сообразно собственным политическим и коммуникативным целям синтезируют новые, характерные для данной идеологической группы [10, с. 136–137]. Ниже в таблице приводится обобщенное сопоставление характеристик двух лексических категорий – “Schlagwörter” и “ключевых слов текущего момента”.

Таблица 1.

Сопоставление категорий “Schlagwort” и “ключевое слово текущего момента”

Категория “Schlagwort” по [6], [7], [8] и др.	Категория “КСТМ” по [2] и [3]
1	2
1. Высокая лексическая вариативность: одно- и многосоставные лексемы, различные части речи;	1. Изменение лексических параметров, например, расширение возможностей метафорического употребления;
2. Высокая частотность употребления;	2. Частая встречаемость в политических текстах;

1	2
3. Возможность генерирования обширных ассоциаций, произвольные (для данной идеологической группы) правила употребления;	3. Наличие множественных дефиниций (в т.ч. явление “сакрализации / десакрализации”);
4. “Schlagwörter” реализуют апеллятивную и оценочную функцию и обладают ярко выраженным деонтическим аспектом значения;	4. Функции КСТМ связаны с реализацией идеологического и национально-культурного компонентов их семантики.
5. “Schlagwort” выступает в качестве компактного символа политических программ;	5. Текстогенность – способность КСТМ порождать вокруг себя массу текстов;
6. “Schlagwörter” используются для идентификации собственной политической позиции, а также позиции оппонента.	6. КСТМ являются объектом активной и массовой языковой рефлексии.

Первая пара характеристик в целом совпадает, вторая – полностью идентична. Мы также можем говорить о тождественности третьей пары характеристик, поскольку как сопряженные с ключевым словом (Schlagwort) ассоциативные связи, так и присваиваемые ему дефиниции могут претерпевать изменения вследствие того, что каждая политическая сила обладает возможностью устанавливать и изменять правила употребления того или иного ключевого слова (Schlagwort) сообразно своим политическим целям. Функции категорий “Schlagwörter” и “КСТМ” (группа 4) в целом близки по своему назначению – их появление в политическом тексте преследует цель не только проинформировать адресата об определенном событии, но и охарактеризовать это событие, дать ему соответствующую оценку, а также склонить адресата занять определенную позицию по отношению к данному событию. Что касается пятой пары, то данные характерные черты двух категорий здесь также во многом совпадают. Программа партии требует интерпретации, составления все новых текстов, содержащих ключевые слова и поясняющих политические планы и действия, поскольку в фиксированный текст программы нельзя заложить все алгоритмы действия политической силы, рассчитанные на те или иные обстоятельства. Наконец, характеристики, отмеченные в шестом пункте также близки по содержанию. Рефлексия суть обращение субъекта на себя самого, свою личность (ценности, интересы, мотивы, эмоции, поступки), на свое знание или на свое собственное состояние, поэтому мы можем заключить, что как “Schlagwörter”, так и “ключевые слова текущего момента” используются для идентификации политических позиций публичных актеров. Разница состоит лишь в том, что ряд немецкоязычных исследователей расширяют сферу употребления “Schlagwörter”, указывая на то, что эти лексемы также активно используются для идентификации позиции политических оппонентов.

Таким образом, тождественность перечисленных характеристик дает основание заключить, что при изучении политического дискурса термин “ключевое слово текущего момента” (КСТМ) может быть использован в качестве эквивалента немецкоязычного термина “Schlagwort” с учетом особенностей последнего. Это открывает *перспективы* для дальнейшей унификации терминологической базы отечественной и немецкой политолингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булдаков В. А. Ситуативная коннотация в лексике современного немецкого языка / В. А. Булдаков // Вестник СПбГУ. Серия 9, 2009. – С. 155–159.
2. Весна Т. В. Ідеологічний та національно-культурний компоненти в семантичній структурі лексики політичного дискурсу (на матеріалі франко- і російськомовної преси 90-х років): дис. ... канд. філол. наук: 10.02.15 / Тетяна Василівна Весна. – Одеський національний університет імені І.І. Мечникова, 2002. – 239 с.

3. Шмелева Т. В. Кризис как ключевое слово текущего момента / Татьяна Викторовна Шмелева // Политическая лингвистика, 2009. – № 2(28). – С. 63–67.
4. Вүке К.; Liedtke F. u.a. (Hg.). Politische Leitvokabeln in der Adenauer-Dra / Karin Вүке, Frank Liedtke u.a. – Berlin, New York: de Gruyter, 1996. – 496 S.
5. Busse D. Historische Semantik / Dietrich Busse. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1987. – 334 S.
6. Dieckmann W. Sprache in der Politik / Walter Dieckmann // M. Greiffenhagen (Hg.). Kampf um Wүrter? – Мўnchen: Hanser, 1980. – S. 47-64.
7. Felbick D. Schlagwүrter der Nachkriegszeit / Dieter Felbick. – Berlin: de Gruyter, 2003. – 600 S.
8. Klein J. Wortschatz, Wortkampf, Wortfelder in der Politik / Josef Klein // J. Klein (Hg.). Politische Semantik. – Opladen: Westdeutscher Verl., 1989. – S. 3-49.
9. StrauЯ G., HaЯ U. u.a. Brisante Wүrter von Agitation bis Zeitgeist / Gerhard StrauЯ, Ulrike HaЯ, Gisela Harras. – Berlin: de Gruyter, 1989. – 778 S.
10. StruЯ B. “Ewiggestrige” und “Nestbeschmutzer” / Bernd StruЯ. – Frankfurt am Main: Lang, 2009. – 266 S.

УДК 81. 276.3+811.111

Лїна Сорокіна
(Київ)

ГЕНДЕРНИЙ АСПЕКТ МАНІПУЛЯТИВНОЇ КОНФРОНТАЦІЙНОЇ СТРАТЕГІЇ В АНГЛОМОВНОМУ ДІАЛОГІЧНОМУ ДИСКУРСІ

У статті розглянуто маніпулятивний потенціал тактик конфронтаційної стратегії в діалогічному дискурсі з урахуванням гендерного чинника.

Ключові слова: конфронтаційна стратегія, маніпулятивна поведінка, гендерний аспект, гомогенна / гетерогенна групи.

The aim of the article is to provide a study of manipulative potential of tactics of confrontation strategy in the dialogical discourse with particular emphasis on gender aspect.

Key words: confrontation strategy, manipulative behaviour, gender aspect, homogeneous / heterogeneous groups.

Постановка наукової проблеми та її значення. *Актуальність* дослідження зумовлена загальною спрямованістю сучасної лінгвістики на вивчення можливостей мови в регулюванні поведінки людей і, зокрема, здатності конфронтаційної стратегії виступати інструментом маніпулятивного впливу. Вихідною є думка про те, що адресат усвідомлює вплив, який здійснюється над ним, але маніпулятор використовує такі стратегії і тактики, вибудовує діалог таким чином, що реципієнт не може відмовитись від нав'язаної думки чи дії. Крім того, у фокусі нашої лінгвістичної розвідки постає гендерний фактор, що визначає ставлення суспільства до чоловіків й жінок, а також поведінку індивідів відносно певної гендерної приналежності, стереотипних уявлень про чоловічі та жіночі якості. **Мета статті** – проаналізувати маніпулятивний потенціал конфронтаційних тактик з урахуванням гендерного аспекту.

Виклад основного матеріалу й обґрунтування отриманих результатів. Онтогенетичними характеристиками конфліктної мовленнєвої поведінки є інтенціональне протиставлення мовленнєвих дій інтерактантів та пряме чи опосередковане вираження негативної оцінки вербальних або фізичних дій співрозмовника. Конфронтації конфліктного та маніпулятивного характеру значно відрізняються. Слідом за Р. Бероном та Д. Річардсон, ми виокремлюємо *ворожу агресію*, в основі якої – усвідомлене прагнення спричинити зло або шкоду іншій живій істоті, та *інструментальну агресію*, для якої нанесення шкоди не є самоціллю: агресивні дії використовуються в якості інструмента для здійснення різних бажань (цит. по [5, с.1]). Про такий вид агресії йдеться у разі маніпулятивної конфронтаційної стратегії, адже метою маніпулятора є викликати в адресата стан фрустрації, тобто